

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

ЗОЛОТО

Д.Н.Мамин-Сибиряк. «Золото». Роман, рассказы, повесть //Беларусь,
Минск, 1983
FB2: "Miledi ", 2008-02-24, version 1.0
UUID: 544d7572-351e-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В болоте
(Сибирские рассказы)

Из записок охотника.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В болоте

На Урале есть целый ряд заросших озер. Если смотреть на них откуда-нибудь с возвышенности, можно отлично видеть сохранившийся уровень воды, линию берега, острова. Замечательно то, что образовавшиеся торфяники и болота сохранили прежний водной уровень, тогда как обыкновенно он понижается в виде широких ложбин и неправильной формы ям.

Ходить по такому заросшему озеру опасно; почва так и колыхается под ногами, точно идешь по натянутому полотну; в других местах нога проваливается совсем, а кое-где еще сохранились полузатянутые осокой и лапушником глубокие озерные «окна», которые даже не замерзают зимой. Растительность на таких мертвых озерах совершенно особенная, тоже какая-то мертвая: жесткая осока, ситник, белоус, мхи и разнообразный кустарник, начиная со смородины по краям и кончая вербой. Особенно замечательны болотные сосны и березы, по которым сразу узнаешь настоящее болото: деревья здесь превращаются в жалких карликов, точно золотушные дети, а между тем таким карликам бывает

иногда лет за сто. Болотная дичь любит эти мертвые места и плодится здесь во множестве, тем более что есть такие болота, которые решительно летом недоступны охотникам.

Раз утром в конце июля я долго бродил с собакой по берегу такого болота, еще находившегося в периоде зарастания: торфяной слой залег всего на глубине полуаршина, а поверхность представлялась редким кочкарником, с водяными просветами. Под водой отчетливо можно было рассмотреть пестрый ковер прошлогодних водорослей, точно дно было выложено деревянной коричневой мозаикой. В девять часов уже сильно парило. Небо было совершенно безоблачно, и от болота поднимались тяжелые испарения. Становилось просто душно, и время было подумать об отдыхе; собака тоже устала и смотрела на расстилавшееся болото ленивыми глазами, опустив хвост. Недалеко высилась каменистая горка с сосновой гривкой наверху и зеленой опушкой из рябин внизу; я направился к ней, чтобы отдохнуть где-нибудь в тени у ключика.

Я забыл упомянуть о страшном враге, который гнал нас из болота сильнее солнечного зноя; этот враг – болотный комар и какая-то мошка, бессовестно лезшая в рот, в нос и даже в уши. Приходилось постоянно отмахиваться, причем враг исчезал, как дым, а лицо, руки и шея начинали просто пухнуть от бесчисленных укушений. Люди с чувствительной кожей иногда возвращаются из такого болота с совершенно вздутыми лицами, так что даже глаза заплывают, но, конечно, привычка и некоторая опытность предохраняют несколько от подобных превращений. Шлепая по болоту, я думал с особенным удовольствием о разведенном огоньке-куреве, который разгонит болотных разбойников, но в этот момент собака глухо заворчала, предупреждая о присутствии чужого человека.

В десяти шагах от меня, по колено в воде, стояла низенькая старушка с глубоко надвинутым желтым платочком на голове; в подоле желтого сарафана она держала пучки какой-то желтоватой болотной травы.

«Какая-нибудь деревенская знахарка...» – мелькнуло у меня в голове.

– Бабушка, где здесь найти ключик? – спросил я, подходя к старушке.

– А вот сейчас под горкой, милый... вон черемуха где, – приветливо ответила знахарка, нагибаясь за новой травкой.

– Спасибо, бабушка... Травку собираешь?

– Травку, барин, травку... хорошую травку.

Я поплелся вперед к указанному месту, но старуха меня остановила.

– А там, барин, у ключика-то, у меня внучка махонькая покинута, – предупреждала она, заслоня морщинистое, высохшее лицо от солнца рукой. – Вот песик-то твой не напугал бы...

– Хорошо, бабушка, не испугаем.

– Спит она, внучка-то...

Под кустом черемухи я действительно нашел и ключик и спавшую внучку. Место было прелестное, но можно было пройти в двух шагах, не заметив его. В глубине сцены высился скалистый гребень, обросший молодым сосняком, а ближе к воде тянулась опушка из черемухи, рябины и тальника. Нужно было раздвинуть ветви низкой черемухи, чтобы попасть на неправильной формы лужайку,

поросшую густой зеленой травой. Ближе к болоту, где сочился из земли светлый, как горный хрусталь, ключик, была сделана даже ямка в песке и обложена по краям пестрыми камешками. Очевидно, старушка-знахарка частенько бывает здесь.

Найти спавшую девочку было тоже довольно трудно, хотя она спала почти совсем на виду, в тени той самой черемухи, на которую указывала старушка. Это была совсем еще маленькая девочка, лет четырех; она спала прямо на траве, покрытая поношенным ситцевым фартуком, из-под которого выставлялись только босые ножки, покрытые грязью и царапинами.

Устроить курево было делом минуты, и скоро едкий соломенный дым потянул кверху столбом, потому что день был безветренный и воздух стоял, не шелохнувшись. Я с наслаждением напился ключевой воды, умылся и, не торопясь, принялся готовить охотничий завтрак из убитых куликов.

– Дай-ка я тебе, барин, сама изжарю птишек-то... – проговорил за мной голос знахарки.

Я даже вздрогнул от неожиданности, и сконфуженная собака, прокараулившая подкрадывающуюся старуху, зарычала не на шутку и долго не могла успокоиться. Теперь я вспомнил, что я давеча совсем не заметил старухи, хотя она бродила по совершенно открытому месту и в момент встречи, как и теперь, точно выросла из земли. Признаюсь, меня всегда пугают эти неожиданные молчаливые появления, вырастающие из земли, как тени, и я каждый раз несколько времени испытываю неприятное чувство человека, который бродит в темноте и неожиданно наталкивается на совсем незнакомые предметы.

Пока я передумывал все это, знахарка с каким-то ласковым шепотом выложила собранную траву около спавшей внучки, а потом принялась за моих куликов; она, очевидно, умела обращаться с этой дичью, хотя крестьяне болотной дичи сами никогда не едят, считая ее поганой. Меня заинтересовало это обстоятельство.

– Бабушка, ты это где научилась куликов-то жарить? – спросил я, вынимая еще двух на ее пай.

– Нет, барин, я не ем... никакого мяса не ем, – отказалась старушка и как-то печально улыбнулась. – А где я научилась куликов-то жарить... Старая я, барин, больно старая. Мало ли чего знаю... Да, старая, даже на што комары – и те не едят. Тебя вот как накрасили, а меня не едят, потому и комар свой вкус знает: одно – старое, другое – молодое...

Знахарка опять улыбнулась и, не торопясь, принялась завертывать куликов в широкие листья какой-то травы, а потом зарыла их в золу. Я рассмотрел ее подробно только теперь. Сгорбленная, но еще бодрая, она была одета в поношенный темный ситцевый сарафан и такую же рубашку; большой темный платок покрывал голову вместе с загорелой морщинистой шеей. Ноги были босы, со следами болотной тины. Сморщенное лицо смотрело ласковыми, светлыми глазами, сохранившими еще таившуюся в них искру жизни; когда-то это лицо, вероятно, было очень красиво, потому что и теперь еще не утратило известной приятности, особенно когда старушка улыбалась такой хорошей, спокойной улыбкой. Очевидно, она умела водиться с гос-

подами и держала себя с тем ласковым достоинством, с каким умеют обходиться заслуженные старушки-няни. Обыкновенные деревенские старухи как-то дичатся незнакомого барина и постоянно охают и стонут или ворчат.

– Какую это ты, бабушка, травку собирала в болоте? – спросил я, когда кулики были уже готовы.

– Травку-то?.. А хорошая, божья травка... Петров-Крест прозывается.

Старушка принесла несколько стебельков и подала мне; Петров-Крест походил на ландыш, только был длиннее и имел мясистый белый корень в форме раздвинутых пальцев.

– Почему эта травка Петровым-Крестом называется? – спросил я, продолжая рассматривать отдельные стебельки.

Старушка выбрала один стебель, повернула его вверх корешком и подала мне: корешок имел неправильную форму креста. Дальнейших объяснений не требовалось.

– Для чего же тебе эта травка?

– А хорошая травка, барин, полезительная... помогает во многих болезнях: когда к

сердцу подкатит, поясницу ломит, от головы... От всего пользуется...

– Одну эту травку собираешь или еще и другие?

– И другие травы собираю, которые на пользу... Помогаю, кто попросит... Есть больно хорошие травки, барин. Ах, какие травы есть!..

Старушка благочестиво покачала головой и тяжело вздохнула.

Старуха сидела на самом припеке и жевала какую-то корочку, которую прикрывала ситцевым платочком; зубы у ней были еще крепкие, так что слышно было, как она смело разгрызала сухие места. Моя собака, прищурившись, все время следила за ней и несколько раз переводила глаза на меня, точно спрашивая, как ей быть. Курево дымилось по-прежнему; под кустами черной смородины толклись столбом комары, в траве стрекотали какие-то козявки, где-то далеко перекликались журавли. Летний зной все наливался, и даже в тени не было спасения – из кустов так и несло тяжелой, теплой струей, бросавшей в пот. Я надеялся уснуть, чтобы переждать са-

мое жаркое время дня, но все попытки в этом направлении кончились полной неудачей, и в результате получилось чувство какого-то расслабления, точно после жаркой бани. А старушка все сидела, вытянув вперед ноги, и не думала уходить с солнечного припека.

– Бабушка, ты изжаришься на солнышке! – проговорил я наконец, чувствуя, как мне самому делается жарче при взгляде не эту жарившуюся на солнце старуху.

– Нет, милушка, я рада солнышку-то... люблю его. Кровь-то старая, не греет, а солнышком-то ее и разгоняет: все бы вот так-то сидела... хорошо... Больно я люблю это солнышко, милушка, ждешь не дожدهшься его зиму-то зимскую, а как солнышко начало пригревать – я все по лесу брожу, по лугам, по болотам. Дотоль буду ходить, поколь тела своего не изношу... На что оно мне теперь? Будет уж, пожила, погрешила...

– Да какие у тебя и грехи, бабушка... Так, пустяки какие-нибудь?

Старушка пытливо посмотрела на меня и тяжело-тяжело вздохнула.

В это время проснулась спавшая девочка;

завидев чужого человека, она сделала серьезное лицо и вопросительно посмотрела на бабушку. Это был прехорошенький ребенок – круглолицая, с синими глазками и льняными волосиками, с румянцем во всю щеку, с таким детски-серьезным складом пухленького ротика и светлым, чистым взглядом, каким умеют смотреть только дети. В крестьянской среде редко встречаются очень красивые дети, и я с особенным удовольствием рассматривал маленькую внучку.

– Красавица будет, – проговорил я как-то невольно.

Старушка вдруг нахмурилась и как-то ворчливо заговорила:

– Ох, милушка, не нужно это слово говорить... неладно ты сказал... нехорошее это слово, барин.

– Как нехорошее?

– Да уж так, видно... Танюшка, милушка, что ты так воззрилась на бари́на-то? Барин хороший... Хошь поесть-то? На-ка вот, дитятко, у мене тебе припасено было...

Старушка достала спрятанный под кустом узелок и вынула из него ломоть белого хлеба;

девочка следила за ней с заспанной блаженной улыбкой и крепко ухватила за ломоть обеими ручонками.

– Что же я нехорошее такое сказал? – допрашивал я, когда кусок хлеба был съеден и Таня опять успела заснуть. – Вот и в песнях про красоту-то поют...

– Ах, милушка, милушка... Погибель эта самая красота нашему брату, бабе... да! Ты думаешь, я всегда такая-то была: сморщенная, да желтая, да старая?.. Ох, нет, милушка! Красивая была в девках, а замуж вышла – еще краше стала. По шестнадцатому годку замуж-то вышла, так оно было из чего хорошеть-то... В Березовском заводе тогда мы жили, настоящие, значит, березовские были, а в те времена, ух, как строго было... Казенные были, а тут начальство сторожит, потому и с начальства тоже спрашивали. Давно это, милушка, было, тогда еще тебя и в помине-то не завелось, – ну, вот и присылают к нам в Березовск одного начальника, Павла Лександрыча... А как прислали его, народ весьма взвыл, волком взвыл, потому больно строг был Павел-то Лександрыч Из немцев он; ну, и все требовать зачал,

чтобы по закону, а тогдашние-то порядки хуже смерти были... Да и работа эта в Березовске на промыслах была самая проклятущая: золото добывали по шахтам, в земле, милушка, робили, как черви землю-то точили... Тяжелая была работа, ну, а начальство требует, а чуть что – сейчас палками... Нынче уж этого нет, а прежде у нас на промыслах за все палками мужиков колотили. Павел-то Лександрыч больно уж донял тогда весь Березовск: и работою и своими порядками... Пробовали его подкупать, как других начальников, так куда тебе – приступу нет. Просто бедовенная беда, народу-то по приискам тыщи приколотились – все забедовали... И раньше начальство было, и взятки оно брало, сколько хотело, и вообще действовало не по закону, а жилось куда легче, чем при Павле Лександрыче; а он все по закону делал...

Да вот поди ж ты... и человек он был все-таки, надо сознаться, очень хороший, дай ему, господи, царство небесное! – жалобным голосом вставила старушка. – Давно уж его нет в живности-то... Работой он томил народ больно. Помаялись-помаялись наши мужики,

а ведь тогда по-военному все было – везде солдаты стояли, казаки. Ну, старики, которые промеж себя поговорили, посоветовались и вырешили, что надо выручать мир, потому всем петля на шею. Избился народ-то, а Павел-то Лександрыч все нажимает, все нажимает...

А я тогда молода была, совсем глупа, – совершенно другим тоном заговорила старушка, мешая угольки в куреве. – Ну, известно, ничего этого не понимаю... Старики так промеж себя говорят, а нам какое дело? Баб разве спрашивают в такие дела мешаться? А тут и до меня дошла очередь... Был у меня дедушка, совсем древний старик, под сто годов ему было, и разумом уже начал он мешаться и все больше с ребятишками возился. Вот этот дедушка и говорит мне: «Матушка, ты бы хоть ягоды продавала либо грибы... Наши бабы таскают к Павлу Лександрычу, и ты бы с ними». «Штой-то, – говорю, – дедушка, учить меня, у меня свой муж есть».

Прошло так малое время, он опять свое, я к мужу. Тот из лица так выступил да и сказал только всего: «Дедушке больше нашего с то-

бой знать»... Бабенка я в те поры была совсем молодая, бойкая на речах; ну, думаю, коли вы так, буду, мол, ягоды продавать. И точно, наберу круженьку земляники и к Павлу Лександрычу снесу, – он сам любил ягоды покупать у баб. Ну, таким манером покупал у меня ягоды и деньги платил, супротив других баб даже больше платил и все наказывал чаще носить... Гляжу я, стал Павел Лександрыч со мной заговаривать, слово за слово, а сам таково крепко в меня всматривается. Глупое место было: мне бы бежать, а мне это даже приятно было... Ей-богу, от глупости больше!.. Потом зачал он меня пощипывать да заигрывать, а я бросила с ягодами к нему ходить. Дома ничего не говорю, а сама нейду к нему, и конец делу. Только дедушка меня опять донимать стал; ступай да ступай, – ну, я и повинилась ему во всем, как на духу. «Пустое, – говорит. – Надо терпеть, Матренушка...» «А муж?» – говорю. «А што, – говорит, – муж твой означает, коли тут целый Мир терпит, может, тыщи народу томятся... а?» И пошел наговаривать, и пошел наговаривать, складно умел таково говорить. Тут уж и я поняла, к чему он

речь-то подводит, и даже ужаснулась; но-
женьки мои подкосились, свет из глаз... Ко-
нечно, по промыслам бабы везде балуются, а
в Березовском это даже совсем нипочем, а
мне-то стало обидно, што меня свои же в яму
толкают. И вскинулась я на дедушку, так с ку-
лаками над ним и хожу: «Ты, такой-сякой, че-
му меня учишь, а? Как у тебя, старого, язык
повернулся?..» А он на меня. «Разве, – гово-
рит, – я тебя из-за денег посылаю, глупая?
Ежели, – говорит, – мир так порешил, потому
как от Павла Лександрыча житья нет... Мир-
то больше нас с тобой. Послужи миру-то, а
твоей вины тут никакой не будет». Я реветь, а
дедушка смотрел-смотрел на меня, снял руба-
ху, повернулся спиной и говорит: «Смотри,
дитятко, какие у меня узоры-то нарисованы,
да я не ревел, когда миру надо было послу-
жить...» А спина у дедушки вся исполосована
белыми рубцами, точно вот обожжена чем, и
кости даже знать, где были измочалены пал-
ками... Это его палками наказывали, когда он
еще в шахте робил и шахту затопил, потому
ему тоже от мира наказ такой был. Ему за это
за самое пятьсот палок и всыпали... Подне-

вольный народ тогда был, замаяли подземной работой, вот мир и порешил шахту у начальства затопить, а дедушка в штегерях ходил – его и заставили.

Старушка замолчала, с трудом переводя дух. Где-то далеко-далеко, как пушечный выстрел, прокатился глухой раскат грома; над горизонтом выплывало темное грозное облачко и быстро подвигалось к нам. Зной стоял прежний, но теперь порывами набегал легкий ветерок и качал черемухами и рябинами. Таня проснулась и заплакала.

– Слава тебе, господи... – крестилась старуха, рассматривая катившуюся по небу тучку. – Давно уж земля дождинка просит... травушка-то больно притомила.

– Что же дальше-то было, бабушка? – спрашивал я, заинтересованный рассказом.

– Дальше-то? А ничего. Павел-то Лександрыч совсем стихал, точно другой человек сделался... Сначала я ягоды ему все носила, потом грибы, а потом и совсем к нему перешла жить. Вдовец он был, – ну, я и жила у него. До меня он больно добрый человек – одевал, дарил, баловал... А я все делаю, как де-

душка учил, все за мир хлопотала. Мужа штегерем сделал Павел-то Лександрыч, родню в люди вывел. Ох-хо-хо!.. А я от хорошей жизни еще краше стала: идешь, бывало, по улице, так чужой народ любит. Кланяться стали, потому, што хочу, то и делаю – большую силу забрала у Павла Лександрыча. Чудной он какой-то был, прости его, господи... Сначала-то я даже боялась его, а потом привыкла, так привыкла, что и про мужа совсем забыла. Вот она, красота-то, куда завела: мужа не жаль, а Павла Лександрыча жалеть начала, точно вот приросла к нему. Даже какая-то злость на меня нашла: нарочно, бывало, дразню мужа, чтобы он меня колотил, как других баб мужья бьют... А то, бывало, совесть зачнет мучить, ночи не спишь, богу все молишься, – нет, ничего не берет. Так-то раз мучилась-мучилась да и порешила: брошусь я от этой жизни в шахту, все одно – моченьки моей не стало. Совесть доняла... Похудела, задумываться стала, а дедушка-то все уж примечал за мной, што неладно, мол, што-то с бабой деется. Умственный был старичок... Ну, раз я вечерком и отправилась в лес, думаю, брошусь куда-нибудь

в шахту, потому тошнехонько; иду это я болотом, а дедушка мне навстречу, так же вот разную травку собирал. Пользовал он народ травкой... Увидал меня и говорит: «Нехорошее у тебя на уме, внученька...» Я ему опять все и рассказала: реву и рассказываю, а он слушает и тоже плачет. Вот он тогда и добыл из-за пазухи эту самую травку, Петров-Крест, и говорит: «Внученька, вот тебе травка хорошая... пей ее с молитвой, может, господь и поможет, а рук на себя не накладывай. Это травка особенная, крестом в землю растет, божья травка; от наших грехов крест господень в землю ушел». Стала я эту травку пить – и точно, облегчало... В те поры и Павел Лександрыч помер, девочка у меня от него осталась, – ну, я из Березовска уж ушла: тяжело было на людей глядеть. С дедушкой все жила, он меня и травы научил собирать, и какая в какой траве польза... Дочка-то потом замужем была да померла, а мне вон Танюшку оставила.

– А муж?

– Муж?.. Совсем он свихнулся, водкой зашибал сильно... Давно уж его тоже в живых

нет. Ох, грехи, грехи!.. Танюшка, милушка, оболокайся, может, еще поспеем до дождя до-мой добежать.

Старушка заторопилась, связала свои травы, спрятала какой-то узелок в кусты и, простившись со мной, исчезла в кустах. Я тоже пошел и, взобравшись на каменный утес, долго провожал торопливо уходившую парочку: старуха тащила девочку за руку и скоро скрылась в березовой рощице. Мне с возвышенности видно было все мертвое озеро, тянувшееся верст на пять; направо, из-за соснового леса, выдвигался острый мысик, а за ним бурым пятном виднелась глухая деревушка, где жила старуха. Туча уже висела над головой и совсем закрыла солнце; было душно, недалеко пронеслась со свистом стая уток и пала в болото. Вот и первые крупные капли дождя застучали с сухим шумом по зелени, вот и глухой шум от надвигавшейся грозы, и молния, и раскатистый, гулкий удар грома, гулко грянувший около самого уха... Я шагнул с собакой через кусты к лесу, чтобы укрыться от ливня где-нибудь под деревом.